

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-723-735

EDN: DEFMCQ

УДК 070:327.5

Научная статья / Research article

Медиагеографический анализ смыслового пространства международных конфликтов и кризисов

Т.С. Якова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 t-yakova@mail.ru

Аннотация. Проанализировано смысловое пространство международных конфликтов и кризисов в медиагеографической перспективе. Актуальность работы обусловлена возрастающей ролью смысловых и ценностных факторов в динамике современных конфликтов, которые все чаще разворачиваются не только в физическом, но и в символическом пространстве. Теоретико-методологическую рамку исследования составил медиагеографический подход к изучению ментальных ландшафтов разных стран мира: оценка больших данных проводилась с интеграцией методов рангового, факторного и контентного анализа в пространственно-временную систему координат. Выявлены устойчивые страновые и региональные паттерны: доминирование запросов о «добре» в странах Ближнего Востока, Северной Африки, а также в России и Индии; концентрация интереса к «свободе» в конфликтных и нестабильных регионах; пятикратное глобальное превышение запросов на «безопасность» над запросами на «свободу»; корреляция темы «несправедливость» с зоной перманентного кризиса на Ближнем Востоке. Результаты подтвердили тезис о том, что ценностные дихотомии выступают маркерами конфликтного потенциала ментальных ландшафтов.

Ключевые слова: символическое пространство, медиатизация кризисов, пространственный анализ, ценностные дихотомии, ментальные ландшафты

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24 апреля 2026 г.; отрецензирована 15 мая 2026 г.; принята к публикации 26 мая 2026 г.

Для цитирования: Якова Т.С. Медиагеографический анализ смыслового пространства международных конфликтов и кризисов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 723–735. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-723-735> EDN: DEFMCQ

© Якова Т.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Media-Geographical Analysis of the Semantic Space of International Conflicts and Crises

Tamara S. Yakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉t-yakova@mail.ru

Abstract. This article explores the semantic space of international conflicts and crises from a media-geographical perspective. The relevance of this work stems from the growing role of semantic and value factors in the dynamics of contemporary conflicts, which increasingly unfold not only in physical but also in symbolic space. The theoretical and methodological framework of the study draws on a media-geographical approach to analyzing mental landscapes in different countries. Big data analysis was conducted through the integration of rank, factor, and content analysis within a spatiotemporal framework. The study revealed consistent country and regional patterns: the dominance of requests for “good” in the countries of the Middle East and North Africa, as well as in Russia and India; a concentration of interest in “freedom” in conflict-ridden and unstable regions; a fivefold global excess of requests for “security” over requests for “freedom”; and a correlation between the theme of “injustice” and the zone of permanent crisis in the Middle East. The results confirmed the thesis that value dichotomies act as markers of the conflictogenic potential of mental landscapes.

Keywords: symbolic space, mediatization of crises, spatial analysis, value dichotomies, mental landscapes

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: submitted April 24, 2026; revised May 15, 2026; accepted May 26, 2026.

For citation: Yakova, T.S. (2026). Media-Geographical Analysis of the Semantic Space of International Conflicts and Crises. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(3), 723–735. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-723-735> EDN: DEFMCQ

Введение

В условиях трансформации глобального информационного пространства, цифровизации коммуникационных процессов и усиления роли медиа в формировании общественного сознания особую значимость приобретает изучение ментальных ландшафтов стран мира. Современные международные конфликты и кризисы все чаще разворачиваются не только на физическом (территориальном) или военно-политическом уровне, но и в символической, смысловой сфере, где борьба за ценности, интерпретации и нарративы становится не менее важной, чем за ресурсы или влияние. В этой связи исследование ценностных ориентиров как ключевых элементов ментального пространства представляет собой актуальную научную задачу, лежащую на пересечении медиагеографии, теории международных отношений и коммуникативистики.

В современных международных исследованиях все более востребованным становится медиагеографический подход, позволяющий анализировать не только физическое и медийное, но и ментальное пространство разных

стран мира. Последнее представляет сложную структуру смыслов, ценностных ориентаций и психологических установок, транслируемых и потребляемых в глобальной информационной среде. Центральной проблемой выступают вопросы, какие ценностные маркеры структурируют ментальные ландшафты различных обществ, как они влияют на восприятие международных конфликтов и сотрудничества. В этом контексте особого внимания заслуживает анализ потребления интернет-аудиториями различных стран базовых смысловых дихотомий, таких как «добро/зло», «справедливость/несправедливость», «свобода/безопасность». Именно эти категории, будучи универсальными для большинства культур, приобретают специфическое наполнение в зависимости от национального контекста, исторического опыта и геополитического положения. Выявление закономерностей и различий в их потреблении позволяет не только диагностировать текущее состояние ментальных ландшафтов, но и прогнозировать потенциальные конфликтогенные зоны в международных отношениях.

Теоретическое обоснование

В научной литературе вопросы ценностных ориентаций и смысловых конструктов рассматриваются в рамках различных дисциплин – от социальной психологии до политической культурологии и коммуникативистики. Значительную часть научной литературы составляют работы Ш. Шварца по теории ценностей, Р. Инглхарта об эволюции ценностных установок в разных странах под влиянием социально-экономического развития и дискуссии по ключевым тезисам их разработок (Шварц и др., 2012; Vollmer, Randler, 2012; Schwartz, 1992; 1994; Schwartz, Butenko, 2014; Inglehart, 2008; 2016), на которые мы опирались в ходе исследования. Однако медиагеографический подход, интегрирующий анализ физического, медийного и ментального пространств, до сих пор не применяется для кросс-культурного изучения потребления базовых ценностных дихотомий интернет-аудиториями. В частности, остается открытым вопрос о том, как соотносятся предпочтения пользователей из разных стран в выборе между свободой и безопасностью, как интерпретируются понятия справедливости и несправедливости в контексте международных событий, какие факторы определяют эти различия.

Теоретическую рамку нашего исследования составляет медиагеографический подход (Якова, 2026; Якова, Янглева, 2019; Николайчук и др., 2018; Adams, Jansson, 2012; Couldry, McCarthy, 2004; Falkenheimer, Jansson, 2006; Salovaara-Moring, 2008; Thielmann, 2010), акцентирующий внимание на взаимосвязях медиа и пространств в различных их формах и на разных уровнях. Эмпирическая часть (данные, извлеченные из поисковой системы Google, с 2004 по 2025 г.) анализируется посредством применения методов рангового, факторного, контентного и интент-анализа цифровых следов интернет-аудиторий в пространственно-временную систему координат (с учетом сравнительно-странового анализа данных о потреблении смысловых конструктов

в социальных медиа, поисковых системах и новостных агрегаторах). Особое внимание уделяется выделению ценностных дихотомий как маркеров ментального пространства.

Современная политическая практика свидетельствует о том, что попытки урегулирования международных конфликтов, основанные только на материальных компромиссах (разделении сил, создании буферных зон), терпят неудачу, если не учтены смысловые противоречия (например, разное понимание суверенитета или справедливости). Долгосрочное урегулирование требует внимательного отношения к смыслам в конфликтующих обществах и поисков путей их трансформации: изменения образов врага, признания травм и нарративов другой стороны, создания новых, объединяющих символов.

В рамках медиагеографического подхода мы рассматриваем смысловое пространство конфликта как концептуальный каркас для изучения его физического, медийного и ментального пространств и определяем его как динамически конструируемое и оспариваемое конфликтующими сторонами медийно-коммуникативное поле. Мы сфокусировали внимание на изучении смысловых констант, которые в этой системной структуре являются объектами исследования. Выявление и анализ смысловых констант формируют основу для перехода от поверхностного описания конфликтов к изучению их глубинной семиотической структуры, пониманию механизмов конфликтной динамики, которые остаются невидимыми при традиционной оценке материальных факторов.

Ценностные ориентиры в медиагеографическом анализе выступают как смысловые координаты, которые структурируют информационное поле конфликта, определяют его географию и задают механизмы мобилизации. Их изучение позволяет перейти от наблюдения событий к пониманию их культурно-смысловой подоплеки. Конфликты, в том числе и международные, осмысливаются участниками и наблюдателями через призму базовых оппозиций (добро/зло, справедливость/несправедливость, свобода/безопасность). Смыслы добра и зла определяют моральную легитимность сторон: участники позиционируют себя как носителей «добра» (защитников, освободителей), а противника – как воплощение «зла» (террористов, агрессоров), что абсолютизирует конфликт и исключает компромисс. Смыслы «справедливость/несправедливость» формируют нарративы о правах, победителях и жертвах. Например, одна сторона апеллирует к «исторической справедливости» (возврат территорий), другая – к «несправедливой агрессии». Понимание свободы и безопасности определяет приоритеты и границы допустимого: для одной стороны ключевой ценностью может быть свобода (суверенитет, самоопределение), для другой – безопасность (стабильность, защита границ, предсказуемость). Именно конфликт ценностей часто лежит в основе споров о вмешательстве и суверенитете. Через призму ценностных ориентаций в разных регионах мира одни и те же акторы могут восприниматься диаметрально противоположно: различия выявляются в результате медиагеографического анализа, который позволяет картографировать зоны ментальных

ландшафтов и определять линии ценностных разломов, границы между ареалами доминирования разных ценностных систем, которые нередко совпадают с линиями реальных или потенциальных конфликтов. Анализ ценностных ориентиров позволяет понять, почему один и тот же конфликт видится по-разному в различных точках мира, где проходят самые глубокие смысловые разломы, какие аргументы будут наиболее эффективными для мобилизации поддержки или, наоборот, деэскалации в конкретном регионе.

В исследованиях российских и зарубежных авторов отмечается, что ценностные разломы стали ключевым измерением современных конфликтов, а их медийное конструирование – полем стратегической борьбы (Золотухина-Аболина, 2007; Линченко, 2025; Малахов, 2002; Манойло, 2017; Смирнова и др., 2021; Хантингтон, 2003, Шварц и др., 2012). Этот тезис в значительной степени подтверждается результатами медиагеографического исследования потребления трех пар смыслов (ценностных ориентиров) интернет-аудиториями разных стран мира.

Результаты и обсуждение

Статистика по потреблению населением разных стран смыслов «добро» и «зло» в различных тематических кластерах позволяет выявить закономерности в развитии социумов в условиях постмодерна, для которого характерны нелинейный дискурс, нарушение причинно-следственных связей и подмена нравственных ориентиров. Метасмыслы «добро» и «зло» являются маркерами, разделяющими людей и страны на две группы: тех, кто ориентируется на традиционные ценности модерна, и тех, кто сменил их на новые, постмодернистские. Наблюдая за потреблением смыслов «добро» и «зло» мировой интернет-аудиторией в течение нескольких лет, мы можем констатировать, что к 2025 г. уровень интереса к добру и к злу стал примерно одинаков (рис. 1), но при этом существуют заметные различия между странами, акцентирующими внимание только на одном из метасмыслов.

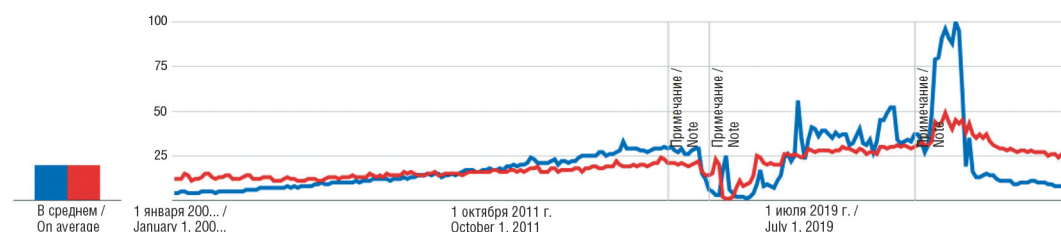

Рис. 1. Динамика относительной популярности запросов «добро» (синий) и «зло» (красный) по странам мира, 2004–2025

Источник: создано Т.С. Яковой по данным Google Trends.

Figure 1. Trends in the relative popularity of the search queries “good” (blue) and “evil” (red) by country, 2004–2025

Source: created by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

В десятке лидеров по относительной популярности темы «добро» в Google за последние 20 лет представлены преимущественно в странах Ближнего Востока и Северной Африки: после Турции и Ирака следуют Сирия, Оман, Судан, Йемен, Иордания, Ливан, Кувейт, Палестина. Полученные статистические данные, на наш взгляд, отражают системную культурно-лингвистическую и социальную закономерность. В этих странах большинство населения говорит на арабском языке (его диалектах), в котором слово «добро» используется чаще, чем в европейских языках, и входит в повседневные формулы общения (например, в приветствие «мир вам»). В этом регионе также преобладает ислам, где концепция добра занимает центральное место и интегрирована в религиозные практики. Она активно обсуждается мусульманами в повседневных делах, особенно во время религиозных событий, таких как Рамадан, Курбан-байрам и других праздников. Многие из перечисленных выше стран переживают или пережили в недавнем прошлом конфликты и гуманитарные кризисы: в условиях нестабильности «добро» ассоциируется с базовыми потребностями (безопасностью, помощью, выживанием), что стимулирует соответствующие запросы. Таким образом, лидерство стран Ближнего Востока и Северной Африки в ранговом списке по относительной популярности слова «добро» опирается на три фактора: лингвистический (высокая частотность слова в повседневной речи), религиозный (глубокая интеграция концепции добра в исламскую этику), социальный (актуальность темы в условиях конфликтов и кризисов).

Отдельно отметим Турцию и Ирак, которые возглавили ранжированный список. Турция занимает лидирующие позиции по нескольким причинам. Во-первых, в стране высокий уровень проникновения интернета и высокая активность пользователей, во-вторых, турецкое общество имеет глубокие исламские традиции (слово *iyilik* переводится как «добро» и используется в повседневной жизни). Кроме того, Турция является крупным центром для беженцев и международных гуманитарных миссий, что также поддерживает актуальность темы. Ирак последние десятилетия находится в состоянии перманентного кризиса: война, гражданский конфликт, деятельность ИГИЛ*, политическая нестабильность. В таких условиях поиск добра носит экзистенциальный характер (люди ищут информацию о гуманитарной помощи и религиозной поддержке в тяжелых ситуациях).

Обратим внимание, что в Индии и России также преобладают запросы, связанные с понятием «добро». В индийском обществе добро – это активная, практикуемая и философски обоснованная основа мироздания, особенно в индуизме и буддизме. Кроме того, принцип ненасилия Махатмы Ганди стал национальной идеей и этическим идеалом. В России культурный код глубоко пронизан православными ценностями, а доброта (производное от добра) считается одной из главных добродетелей. В российском культурном поле добро воспринимается как моральный абсолют и основа правильной жизни, что ак-

* Запрещенная в Российской Федерации организация.

тивно поддерживается религиозной, литературной и культурной традицией. Таким образом, Россия и Индия со своими уникальными культурными кодами фокусируются на добре как на фундаментальном принципе.

Тема зла популярна в Европе и США. На первый взгляд, это кажется парадоксом: страны, ассоциирующиеся с высоким уровнем жизни и стабильностью, лидируют в поисковых запросах, связанных с понятием «зло». На наш взгляд, этому есть объяснение культурологического, политического и лингвистического характера. Производство продуктов массовой культуры (кино, сериалов, видеоигр, литературы) способствует тому, что тема зла постоянно тиражируется в медиапространстве этих стран. Политики в США и Европе часто используют риторику борьбы со злом, что провоцирует общественные дискуссии и, как следствие, поисковые запросы. В культуре западных стран зло – предмет интенсивной рефлексии и творческого осмысления.

Полученные нами результаты демонстрируют различия в культурных кодах: в странах Ближнего Востока концепция добра является практическим ориентиром повседневной жизни, а в западных обществах зло – предмет интеллектуального и художественного осмысления исторических и современных вызовов.

Востребованность глобальной интернет-аудиторией концептов «свобода» и «безопасность» также подтверждается результатами медиагеографического анализа. Частота поисковых запросов «безопасность» почти в 5 раз превосходит частоту запросов по теме «свобода» (рис. 2). В числе лидеров по относительной популярности поискового запроса «свобода» Армения, Парагвай, Литва, Венгрия, Ирак, Палестина, Колумбия, Иран, Эквадор, Гондурас.

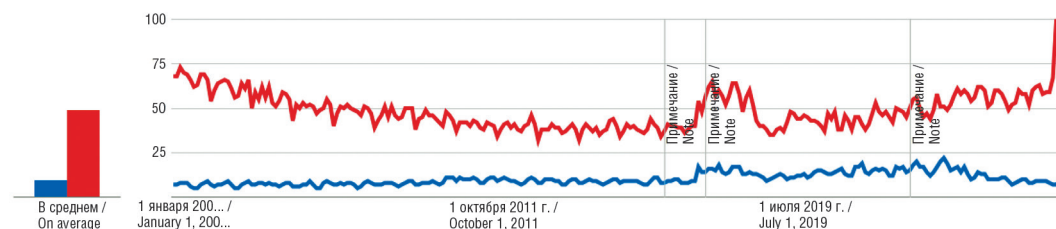

Рис. 2. Динамика относительной популярности запросов «свобода» (синий) и «безопасность» (красный) по странам мира, 2004–2025

Источник: создано Т.С. Яковой по данным Google Trends.

Figure 2. Trends in the relative popularity of the search queries “freedom” (blue line) and “security” (red line) by country, 2004–2025

Source: created by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

Интерпретация результатов анализа больших данных демонстрирует актуальность, остроту, многоуровневость и даже дефицит свободы в вышеуказанных странах. Так, для Армении, Палестины, Ирака и Ирана поисковые запросы «свобода» являются прямым следствием конфликтов, которые переживали или переживают эти страны. В Армении потеря Нагорного Карабаха (Арцаха) в 2023 г. воспринимается населением как утрата свободы и угроза безопасности. Интернет-статистика отражает страх потери суверенитета

и поиск новых геополитических гарантий. Несмотря на то, что в августе 2025 г. была подписана декларация о мирном урегулировании конфликта между Арменией и Азербайджаном, интерес населения к теме свободы остался на высоком уровне. Для палестинцев свобода является синонимом права на самоопределение и создание собственного государства. Это ядро многолетнего затяжного конфликта с Израилем. В Ираке интерес населения к теме «свободы» связан со стремлением к суверенитету и независимости от влияния внешних сил (США, Ирана). В Иране же свобода – это мощный внутренний политический лозунг в борьбе против теократического режима. Рост запросов напрямую коррелирует с волнами протестов («женщина, жизнь, свобода») и является индикатором высокой внутренней конфликтогенности.

В странах Латинской Америки (Колумбия, Гондурас, Эквадор, Парагвай) концепт «свобода» является синонимом безопасности и правопорядка и означает свободу от насилия (действий наркокартелей, бандитских группировок), бедности и коррупции. Эти страны находятся в эпицентре социально-экономических конфликтов, где государство часто не может обеспечить базовую безопасность и верховенство права.

Отметим неравномерность географического распределения интереса к концепту «свобода» населением стран мира. Так, в топе по запросам о свободе отсутствуют США, Великобритания, Франция и др. развитые страны, для которых свобода является базовой, гарантированной ценностью, и ее обсуждение ведется в более абстрактном или правовом поле.

По обращению населения к теме «безопасность» лидируют Португалия, Австралия, ЮАР, Великобритания, ОАЭ, Канада, Пакистан, Индия, Малайзия, США. Высокий интерес интернет-аудиторий стран мира к теме безопасности может быть связан с несколькими факторами: внешними военными угрозами, состоянием внутренней безопасности и общественного порядка (преступность, терроризм, социальные волнения), кибер- и информационной безопасностью, экономической (зависимость от ресурсов, логистики) и экологической безопасностью.

Так, интерес к теме безопасности населения Индии и Пакистана напрямую связан с внешней военной угрозой, поскольку страны находятся в зоне активного конфликта: постоянная напряженность вокруг Кашмира, периодические обострения и ядерное противостояние двух государств заставляют граждан постоянно мониторить данную тему. В отношении ЮАР речь идет, в первую очередь, о внутренней безопасности: в стране высокий уровень преступности, запросы о безопасности отражают повседневные страхи населения за свою жизнь и имущество.

Великобритания и США как члены НАТО напрямую вовлечены в несколько конфликтов. Тема безопасности для граждан этих стран многогранна и включает в себя гибридные угрозы, кибербезопасность, внутренние политические проблемы, угрозы терроризма.

Высокий интерес к теме безопасности у населения стран, которые традиционно считались безопасными (Австралия, Канада), скорее всего, отражает

тревогу о будущем в условиях давления геополитических акторов. Австралия находится в эпицентре тихоокеанского противостояния между США и Китаем, что в итоге заставило руководство страны кардинально пересмотреть оборонную доктрину (вступление в AUKUS). В контексте этих событий запросы о безопасности отражают опасения населения перед сменой баланса сил в мире. В Канаде участились кибератаки на государственные учреждения (количество попыток достигает триллионов за год); запросы граждан связаны в первую очередь с кибербезопасностью (опасность похищения личных данных, взломы в банковской сфере и др.).

Исследование смыслового пространства международных конфликтов и кризисов позволило выявить, что существуют смысловые константы, которые лежат в основе базового ценностного кода и определяют для населения разных стран легитимность существующего мироустройства, распределения ресурсов, действий конфликтующих сторон. Так, на протяжении 20 лет фиксируется внимание глобальной интернет-аудитории к паре метасмыслов «справедливость/несправедливость» (рис. 3). В вышеуказанном контексте «справедливость» можно интерпретировать как обоснование правоты своей позиции, как требование соответствия между действиями и моральными или правовыми нормами, как ориентир для преобразований, а «несправедливость» – как маркер кризиса легитимности, нарушения законов и правил (моральных, этических и др.), как обоснование протестов и несогласия с существующим порядком вещей.

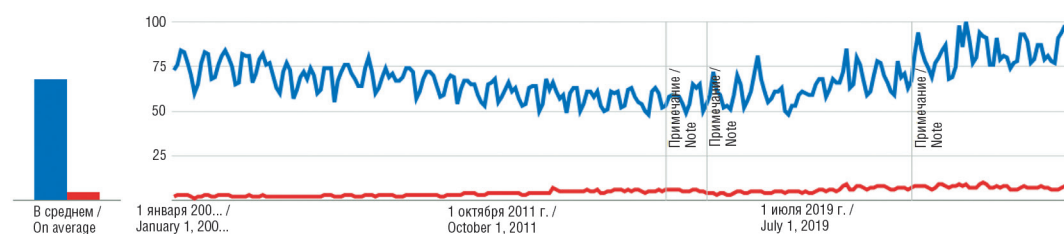

Рис. 3. Динамика относительной популярности запросов «справедливость» (синий) и «несправедливость» (красный) по странам мира, 2004–2025

Источник: создано Т.С. Яковой по данным Google Trends.

Figure 3. Trends in the relative popularity of the search queries “justice” (blue line) and “injustice” (red line) by country, 2004–2025

Source: created by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

Лидерство Индонезии, Румынии, Парагвая, Италии, Чехии, Польши, Испании, Турции, Болгарии и Бразилии по уровню относительной популярности темы «справедливость» в Google объясняется тем, что эти страны не ведут активных внешних войн, но переживают интенсивные внутренние политические и экономические процессы. Здесь интерес населения к справедливости скорее носит созидательный и реформаторский характер. Так, для стран Восточной Европы (Румыния, Болгария, Чехия, Польша) запросы о справедливости тесно связаны с борьбой с коррупцией и преодолением исторического

наследия. Конфликтогенность в этих странах проявляется в виде внутри-политической борьбы и социальных протестов.

В Турции обращение населения к концепту «справедливость» и, соответственно, относительная популярность этого запроса в Google на протяжении последних 20 лет в значительной степени были связаны с интересом к Партии справедливости и развития, риторика которой была выстроена с опорой на этот концепт как на один из ключевых. В Индонезии интерес населения к справедливости указывает на активную гражданскую позицию и работу гражданского общества в условиях трансформации общественных институтов. В Бразилии запросы о справедливости были центральными в течение десятилетия во время масштабных антикоррупционных расследований.

Лидерами по частоте запросов «несправедливость» являются страны, участвующие в конфликтах, переживающие внутренние противоречия, неустойчивость государственных институтов или кризис легитимности власти: Йемен, Ливия, Сирия, Судан, Иордания, Палестина, Ирак и др. Эта группа стран находится в зоне перманентного кризиса на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Для населения этих стран концепт «несправедливость» особенно актуален в связи с гражданскими войнами и иностранными интервенциями, это реакция граждан на лишения и трудности, на последствия вооруженных конфликтов, отсутствие политических свобод, коррупцию и социальное неравенство (даже при внешней стабильности). Это показатель глубинной внутренней конфликтогенности.

Заключение

Результаты проведенного исследования подтверждают эвристическую ценность медиагеографического подхода к анализу смыслового пространства конфликтов и кризисов. На основе полученных эмпирических данных можно сформулировать следующие выводы:

1. Глобальная интернет-аудитория демонстрирует сопоставимый уровень интереса к метасмыслам «добро» и «зло», однако обнаруживаются глубокие страновые различия. Страны Ближнего Востока и Северной Африки лидируют по запросам о «добре», что объясняется лингвистическими, религиозными и социальными факторами. Напротив, тема «зла» более востребована в Европе и Америке, где зло становится предметом интеллектуального и художественного осмысления. Россия и Индия демонстрируют устойчивый фокус на добре как на фундаментальном культурном коде.

2. Частота поисковых запросов по теме безопасности почти в пять раз превышает частоту запросов по теме «свобода» в глобальном масштабе. Интерес к свободе концентрируется в странах, переживающих острые конфликты или социально-экономическую нестабильность, где свобода воспринимается как синоним выживания и суверенитета. В развитых западных странах свобода является базовой ценностью и не генерирует устойчивого поискового интереса. Высокий уровень запросов о безопасности в США, Великобритании,

Австралии, Индии и Пакистане связан с многофакторными угрозами – от внешних военных и гибридных угроз до кибератак.

3. Поисковые запросы, связанные с темой «справедливость», доминируют в странах, переживающих внутренние политические трансформации, где она выступает лозунгом антикоррупционных реформ. Напротив, концепт «несправедливость» концентрируется в зоне перманентного кризиса Ближнего Востока и Северной Африки, становясь маркером гражданских войн, иностранных интервенций и латентного недовольства властью.

Ценностные ориентиры выступают действенными маркерами ментального пространства, определяющими конфликтогенный потенциал восприятия международных событий. Медиагеографический анализ потребления смыслов позволяет диагностировать состояние ментальных ландшафтов и прогнозировать зоны конфликтной напряженности. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы и разработкой прогностических моделей конфликтогенности.

Список литературы

- Золотухина-Аболина Е.В. О специфике высших духовных ценностей // Философские науки. 2007. № 1. С. 11–18. EDN: WSUOLC
- Линченко А.А. Стратегии формирования цивилизационного сознания в контексте транскультурного поворота memory studies // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 50–66. <https://doi.org/10.17223/1998863X/86/5> EDN: JKXFPV
- Малахов В.А. Ценность как категория культуры // Философская мысль. 2002. № 5. С. 76–85.
- Манойло А.В. Современные политические конфликты: право на вмешательство // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 178–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.13> EDN: ZVMOOD
- Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С. Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства : монография. М. : ИКАР, 2018. EDN: NVIVGF
- Смирнова О.В. Лазутина, Г.В, Денисова И.Н. Международные конфликты в контексте ценностных отношений общества: особенности участия СМИ // Медиаальманах. 2021. № 3(104). С. 32–40. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2021.3240> EDN: JSXJUQ
- Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М. ; СПб. : АСТ, 2003. 603 с.
- Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70. EDN: QYXAEH
- Якова Т.С. Конфликтогенный потенциал международной политики: медиагеографический анализ европейского ментального пространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26. № 1. С. 165–175. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-165-175> EDN: SPDKCE
- Якова Т.С., Янгляева М.М. Медиагеография : монография. М. : Изд-во ИКАР, 2019. 188 с. EDN: HNPJCI
- Adams P.C., Jansson A. Communication geography: a bridge between disciplines // Communication Theory. 2012. Vol. 22. No. 3. P. 299–318. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2012.01406.x>

- Couldry N., McCarthy A. *MediaSpace: Place, Scale and Culture in a Media Age*. London : Routledge, 2004. <https://doi.org/10.4324/9780203010228>
- Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies / eds. J. Falkenheimer, A. Jansson. Göteborg : Nordicom, 2006. 306 p.
- Inglehart R.F. Changing values among Western publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. 2008. Vol. 31. No 1–2. P. 130–146. <https://doi.org/10.1080/01402380701834747>
- Inglehart R.F. The Danger of deconsolidation: how much should we worry? // *Journal of Democracy*. 2016. Vol. 27. No 3. P. 18–23. <https://doi.org/10.1353/jod.2016.0053>
- Salovaara-Moring I.I. *Media Geographies: Newspapers and Economic Crisis*. Saarbrücken : VDM Verlag Dr. Müller, 2008. 292 p.
- Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. Vol. 25. P. 1–65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)
- Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50. No 4. P. 19–45. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x>
- Schwartz S.H., Butenko T. Values and behavior: validating the refined value theory in Russia // *European Journal of Social Psychology*. 2014. Vol. 44. No. 7. P. 799–813. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2053>
- Thielmann, T. Locative media and mediated localities. An introduction to media geography // *Aether: The Journal of Media Geography*. 2010. Vol. 5a. P. 1–17.
- Vollmer K.H., Randler K.H. Circadian preferences and personal values: morning types prefer social values, evening types prefer individual values // *Personality and Individual Differences*. 2012. Vol. 52. No. 6. P. 738–743. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.01.001>

References

- Adams, P.C., & Jansson, A. (2025). Communication geography: a bridge between disciplines. *Communication Theory*, 22(3), 299–318. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2012.01406.x>
- Couldry, N., & McCarthy, A. (2004). *MediaSpace: Place, Scale and Culture in a Media Age*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203010228>
- Falkenheimer J., & Jansson, A. (Eds.) (2006.) *Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies*. Göteborg: Nordicom.
- Huntington, S.P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster.
- Inglehart, R.F. (2008). Changing values among Western publics from 1970 to 2006. *West European Politics*, 31(1–2), 130–146. <https://doi.org/10.1080/01402380701834747>
- Inglehart, R.F. (2016). The danger of deconsolidation: how much should we worry? *Journal of Democracy*, 27(3), 18–23. <https://doi.org/10.1353/jod.2016.0053>
- Linchenko, A.A. (2025). Strategies for the formation of civilizational consciousness in the context of the transcultural turn in memory studies. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (86), 50–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/86/5> EDN: JKXFPV
- Malakhov, V.A. (2002). Value as a cultural category. *Philosophical Thought*, (5), 76–85. (In Russ.)
- Manoil, A.V. (2017). Modern political conflicts: the right to intervene. *Polis. Political Studies*, (6), 178–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.13> EDN: ZVMOOD
- Nikolaichuk, I.A., Yanglyaeva, M.M., & Yakova, T.S. (2018). *Wings of Chaos. Mass Media, World Politics, State Security*. Moscow: IKAR Publ. (In Russ.) EDN: NVIVGF
- Salovaara-Moring, I.I. (2008). *Media Geographies: Newspapers and Economic Crisis*. VDM Verlag Dr. Müller.

- Schwartz, S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25, 1–65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)
- Schwartz, S.H. (1994). Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*, 50(4), 19–45. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x>
- Schwartz, S.H., & Butenko, T. (2014). Values and behavior: validating the refined value theory in Russia. *European Journal of Social Psychology*, 44(7), 799–813. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2053>
- Schwartz S., Butenko T.P., Sedova, D.S., & Lipatova, A.S. (2012). Theory of basic personal values: validation in Russia. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 9(2), 43–70. (In Russ.) EDN: QYXAEH
- Smirnova, O.V., Lazutina, G.V., & Denisova, I.N. (2021). International conflicts in the context of value relations in society: features of media participation. *Medi@lmanah*, (3), 32–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2021.3240> EDN: JSXJUQ
- Thielmann, T. (2010). Locative media and mediated localities. An introduction to media geography. *Aether: The Journal of Media Geography*, 5a, 1–17.
- Vollmer, K.H., & Randler, K.H. (2012). Circadian preferences and personal values: morning types prefer social values, evening types prefer individual values. *Personality and Individual Differences*, 52(6), 738–743. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.01.001>
- Zolotukhina-Abolina, E.V. (2007). On the specificity of higher spiritual values. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, (1), 11–18. (In Russ.) EDN: WSUOLC
- Yakova, T.S. (2026). The conflict potential of international politics: media geographical research of the European mental space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 165–175. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-165-175> EDN: SPDKCE
- Yakova, T.S., & Yanglyeva, M.M. (2019). *Media Geography*. Moscow: IKAR Publ. (In Russ.) EDN: HNPJCI

Сведения об авторе:

Якова Тамара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-5640-267X; SPIN-код: 9009-2212. E-mail: t-yakova@mail.ru

Bio note:

Tamara S. Yakova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Foreign Journalism and Literature, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5640-267X; SPIN-code: 9009-2212. E-mail: t-yakova@mail.ru